

© Д.В. ШАПОЧКИН

dmit_shapotckin@mail.ru

УДК 811.112.2'242

ДИСКУРС ВЛАСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

АННОТАЦИЯ. Данная статья представляет собой рассмотрение дискурса власти в лингвокультурологическом аспекте, где дискурс власти выступает в качестве систематизированного и упорядоченного определенным образом использования языка, за которым прослеживается особая идеологически и социально обусловленная ментальность, а именно конкретно целенаправленные способы: способ мышления и способ коммуникативно — речевой практики, которые связаны с осуществлением социальной власти, т.е. дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе — через систему взаимосвязанных речевых/текстовых средств, форм и приемов воздействия. В исследовании проводится дефиниционный анализ концепта «власть» с целью исследования его семантического значения. При обобщении лингвокультурологических толкований, вытекают три основные значения: 1) власть в широком смысле; 2) политическая власть 3) конкретные представители политической власти (органы и лица, облеченные властными полномочиями). При когнитивном анализе концепта власть, становятся очевидными его универсальность, высокая степень значимости и частотность функционирования в политическом дискурсе. Представления о власти в значительной степени формируют картину мира политического деятеля, поскольку именно концепт власть является ее своеобразным аксиологическим центром, в некоторой степени организующим и определяющим все остальные ее характеристики.

SUMMARY. The paper explores a discourse of power in respect of cultural linguistics, where the discourse of power appears for a particularly systemized and harmonized usage of language, behind which a special ideologically and socially conditioned mentality can be traced, some specified goal-oriented means in particular: cognition pattern and patterns of communicative speech practice. These patterns are related to implementation of a social power, i.e. a discourse is a manifestation of power, and the power is expressed via discourse through the system of interrelated verbal/textual means, forms and tools of influence. The paper presents the results of a definition analysis of the concept power, which was made in order to define its semantic meaning. After generalization of lingua-cultural interpretations the following basic meanings were defined: 1) power in a broad sense; 2) political power; 3) particular representatives of political power (authorities and people clothed with power). The cognitive analysis of the concept power makes it obvious that it is universal, with a high level of importance and functional frequency within the political discourse. Visions of power form a world view of a politician significantly, because it is the concept of power that constitutes a kind of its axiological core, and this concept organises and determines all other features of the worldview to some extent.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы (ГК №14.740.11.1377)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лингвокультурология, лингвокультурологический аспект, дискурс власти, концепт, когнитивный анализ, власть.

KEY WORDS. Cultural linguistics, lingua-cultural aspect, discourse of power, concept.

Анализируя структуры языка, многие ученые исходят из его социальной и культурной обусловленности, рассматриваемой в рамках лингвокультурологии, которая предоставляет возможность по-новому взглянуть на взаимодействие языка и культуры. Связующим звеном между языком и культурой является человек, как языковая, речевая, коммуникативная личность, становление которой происходит в процессе ее социализации [1; 32], [2; 30], [3; 23], [4; 28], [5; 43], [6; 59], [7; 13-17].

В рамках данной статьи лингвокультурология понимается нами как филологическая наука, которая исследует различные способы репрезентации знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что позволяет дать описание этих объектов, которое раскрывает значение анализируемых единиц, их оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка.

Являясь основным средством человеческого общения (коммуникативная функция), язык выступает также средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату). В силу этого свойства языка естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения, так как общественная, в том числе трудовая деятельность человека, невозможна без обмена информацией [8; 28].

Таким образом, язык есть естественно возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая система, обладающая свойством *социальной предназначенности*. Данная система существует, однако, не для отдельного индивида, а для определенного *социума* [9; 604].

Представляется целесообразным рассмотреть, как данная семиотическая система проявляется себя, репрезентируя лингвокультурологические аспекты на уровне дискурса власти.

Вслед за В.Е. Чернявской под дискурсом власти мы понимаем некое систематизированное и упорядоченное определенным образом использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность, а именно, конкретно целенаправленные способы: способ мышления и способ коммуникативно — речевой практики, которые связаны с осуществлением социальной власти. Т.е. дискурс есть выражение власти, и власть выражается в дискурсе — через систему взаимосвязанных речевых/текстовых средств, форм и приемов воздействия [10; 68].

Дискурс власти, на наш взгляд, включает в себя концептуальную оппозицию «власть — справедливость» [11; 132-136], на основе которой просматривается тесная взаимосвязь данных концептов и выявляется их лингвокультурологическая обусловленность.

При когнитивном анализе концепта *власть*, становятся очевидными его универсальность, высокая степень значимости и частотность функционирования в политическом дискурсе. Представления о власти в значительной степени

формируют картину мира политического деятеля, поскольку именно концепт *власть* является ее своеобразным аксиологическим центром, в некоторой степени организующим и определяющим все остальные ее характеристики. Поэтому неудивительно, что попытка осмыслить феномен власти предпринимается философами, социологами, политологами, историками, культурологами. Не исключение работы лингвистов, которые, как правило, ставят своей задачей реконструкцию представлений о власти.

В целом, с позиций лингвокультурологии, проблема соотношения языка и власти имеет два аспекта: 1) как власть осмысляется, концептуализируется языком; 2) как власть проявляется через язык.

При рассмотрении смысловой структуры лексемы *власть*, опираясь на данные словарей С.И. Ожегова и В.Ф. Халипова, становится очевидным, что презентации понятия «власть» в обыденном и научном сознании не имеют существенных различий:

Словарь Ожегова С.И.: 1) право и возможность распоряжаться, подчинять своей воле; 2) политическое господство, государственное управление и органы его; 3) (мн. ч.) лица, облеченные правительственные, административными полномочиями [12; 154].

Словарь Халипова В.Ф.: 1) способность, право и возможность распоряжаться кем-л./чем-л., оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей с помощью различного рода средств — закона, права, авторитета, воли, суда, принуждения; 2) политическое господство над людьми, их общностями, организациями, странами и их группировками; 3) система государственных органов; 4) лица, органы, облеченные соответствующими государственными, административными полномочиями, или обладающие разного рода влиянием, полномочиями по обычай, или присвоившие их себе [13; 183].

При обобщении вышеприведенных толкований, вытекают три основные значения: 1) власть в широком смысле; 2) политическая власть 3) конкретные представители политической власти (органы и лица, облеченные властными полномочиями).

Если русская лексема «власть» этимологически связывается с обладанием, то английское «power» восходит к лат. «*potēre*» — «быть способным». Дефиниционный анализ наглядно демонстрирует, что именно этот компонент (*ability*) выступает в качестве смыслового инварианта основных значений лексемы «*power*» [14; 683]:

1) возможность, способность; 2) сила, мощь (способность производить сильное воздействие); 3) энергия, мощность (способность производить физическую работу); 4) власть, влияние, авторитет (способность контролировать других); 5) политическая власть (способность политических органов контролировать других субъектов политики); 6) право, полномочия (способность действовать, предоставленная законом или официальной должностью); 7) нация, держава (особенно о пользующейся влиянием и авторитетом, т.е. способной оказывать влияние).

Если же рассматривать содержание понятия «власть», как оно раскрывается в научных трудах по политологии и социологии, то оно предстанет как многослойное и многоаспектное явление [15; 96], проявляющееся в различных сферах человеческого бытия; отсюда и многообразие видов власти: *власть организаций*,

власть церкви, родительская власть, господская власть, административная власть (власть хозяина над рабочим), экономическая, политическая, духовная, военная власть; ветви государственной власти — законодательная, исполнительная, судебная; четвертая власть (пресса).

В целом все концептуальные подходы к интерпретации политической власти можно поделить на две группы: 1) атрибутивно-субстанциональные, трактующие власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта, а то и просто как самодостаточный «предмет», «вещь»; 2) реляционные, описывающие власть как социальное отношение или взаимодействие [16; 115].

Таким образом, в большинстве дефиниций власти прослеживается ее реляционный характер: невозможно говорить о власти применительно к одному человеку или институту, власть — это всегда отношение, взаимодействие, власть кого-то над кем-то, власть есть взаимодействие между теми, у кого она есть, и теми, у кого ее нет [15; 96].

Соответственно, основными валентностями лексемы *власть* будут позиция субъекта и объекта власти: *власть родителей, монополий, олигархов, народа; власть традиций, предрассудков, идей, денег, любви и т.д., власть над людьми, власть человека над самим собой, над природой и т. п.* Объектластных отношений (тот, на кого направлена власть, объект подчинения) может мириться, считаться с властью, подчиняться ей, поддерживать ее, быть преданным, лояльным, быть приверженцем, сторонником власти, или, напротив, может выступать, бороться против, быть противником, врагом, находиться в оппозиции к власти.

Следует отметить, что термин *власть* выступает как наиболее семантически емкий и всеобъемлющий по сравнению с остальными терминами, такими как *сила, контроль, превосходство, влияние, принуждение, авторитет, господство*, которые, в свою очередь, являются более частными, выражающими логически более узкие, подчиненные понятия, обозначающими составляющие власти или ее атрибуты.

В коллективном сознании власть — это объект отчуждаемой принадлежности (*У него есть власть, нет власти*), который может быть объектом приобретения, передачи, утраты, а также добычи и завоевания [17; 44-48]. Она может менять владельцев, быть объектом наследования, дарения, обмена, купли-продажи, насильственного захвата: *иметь, получить, передать, захватить власть; перехват, передел власти; possess, take, seize, keep, transfer, cede power, interchanges of power*.

Субъект власти мыслится как ее реальный обладатель, который может держать ее зубами, но может от нее отказаться, потерять, лишиться, утратить, а также дать, передать, доверить и предоставить, либо как претендент, который борется за власть, претендует на нее, может ее захватить, узурпировать, завоевать (аналогично в английском: *hold, share, leave, claim, confer power*).

В метафорике власти соединяются два противоречящих образа [15; 100] — с одной стороны, она воспринимается, как нечто, созданное человеком (помимо метафоры сооружения, весьма распространенной является метафора механизма, при помощи которой, вероятно, человек пытается представить себе процесс функционирования власти: *рычаги, руль, пульт управления, часовoy механизм*).

низм, пружина власти, машина власти). С другой стороны, она предстает как нечто естественно существующее — живое существо, явление природы (*корни, ветви, недра власти; расцвет, мутации, перерождение власти, сохранить государство живым организмом*), при этом особенно распространенной для описания неудовлетворительного состояния дел является метафора болезни (*болезни власти, температура власти была 39,8°; пульс власти, атрофия/дистрофия власти, паралич власти, немоицъ власти, агония власти, коллапс власти*)

Таким образом, следует особо подчеркнуть, что концепт « власть » как лингвокультурологическое явление, понимается в основном в социологии и политологии, не только как влияние особого рода, но и как способность к достижению определенных целей, и как возможность использования тех или иных средств, и как особое отношение между управляющим и управляемым. Помимо этого, язык является одним из инструментов социальной власти, власть осуществляется через язык, а также средствами языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баос Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук / Пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 499-508.
2. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 94-111.
3. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
4. Жирмунский В.М. К проблеме социальной дифференциации языка // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 22-39.
5. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22-34.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 192 с.
7. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика // Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. С. 58-63.
8. Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей: дисс. ... к. филол. наук. Тюмень, 2005. 244 с.
9. Языкоznание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.
10. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 136 с.
11. Шапочкин Д.В. Концептуальное противостояние « власть » vs « справедливость » в тексте гимна «Интернационал» // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 132-136.
12. Ожегов, С.И.: Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
13. Халипов В.Ф. Политологический словарь. М.: Республика, 1995. 192 с.
14. Webster's New World Dictionary of American English. Third College Edition. New York: Prentice Hall, 1994. 1574 р.
15. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса (дисс. ... д-ра филол. наук). Волгоград, 2000. 440 с.
16. Дегтярев А.А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. №3. С. 108-120.
17. Жданова Л.А., Ревзина О.Г. Власть: языковое значение и концепт // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвуз. науч. конф. М.: Моск. гос. открытый пед. ин-т, 1992. С. 44-48.

REFERENCES

1. Boas, F. Some Problems of methodology of Social Sciences / Trans. Y.S. Terentieva // *Antologija issledovanij kul'tury* [Anthology of Cultural Researches]. St-Petersburg, 1997. V. 1. Pp. 499-508. (in Russian).
2. Gavranek, B. To the Problem of Fusion of Languages. *Novoe v lingvistike* [News in Linguistics]. Issue 6. Moscow, 1972. Pp. 94-111. (in Russian).
3. Humboldt, V. von. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [Selected works in Linguistics]. Moscow, 1984. (in Russian).
4. Zhirmunskij, V.M. To the Problem of Social Differentiation of Language. *Jazyk i obshhestvo* [Language and Society]. Moscow, 1968. Pp. 22-39. (in Russian).
5. Larin, B.A. Colloquial Language of the Moscovia // *Nachal'nyj jetap formirovaniya russkogo nacional'nogo jazyka* [Infancy of Russian National Language]. Leningrad, 1961. Pp. 22-34. (in Russian).
6. Sapir, E. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected Works in Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, 1993. 192 p. (in Russian).
7. Schveitser, A.D. Contemporary Social Linguistics // *Teorija, problemy, metody* [Theory, Issues, and Methods]. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 58-63. (in Russian).
8. Shapochkin, D.V. *Kognitivnye aspekty politicheskogo diskursa (na materiale britanskikh, amerikanskih i nemeckih publichnyh politicheskikh rechej)* (diss. kand.) [Cognitive Aspects of a Political Discourse (as exemplified in British, American, and German public political speeches (Cand. Diss.)]. Tyumen, 2005. 244 p. (in Russian).
9. *Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. Large Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 2000. 688 p. (in Russian).
10. Chernjavskaja, V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya* [Discourse of Power and Power of Discourse. Problems of Verbal Effect]. Moscow: Flinta, 2006. 136 p. (in Russian).
11. Shapochkin, D.V. Conceptual Opposition: Power vs Justice in the International hymn lyrics. *Politicheskaja lingvistika — Political Linguistics*. 2013. № 2. Pp. 132-136. (in Russian).
12. Ozhegov, S.I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1990. 921 p. (in Russian).
13. Halipov, V.F. *Politologicheskij slovar'* [Dictionary of Political Studies]. Moscow, 1995. 192 p. (in Russian).
14. Webster's New World Dictionary of American English. — Third College Edition. New York: Prentice Hall, 1994. 1574 p.
15. Shejgal, E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* (diss. dokt.) [Semiotics of Political Discourse (Doct. Diss.). Volgograd, 2000. 440 p. (in Russian).
16. Degtjarev, A.A. Political Power as a Regulating Mechanism of Social Communication. *Polis — Polis*. 1996. № 3. Pp. 108-120. (in Russian).
17. Zhdanova, L.A., Revzina, O.G. Power: Linguistic Meaning and a Concept [Vlast': jazykovoe znachenie i koncept]. *Semantika jazykovyh edinic: M-ly 3-j mezhvuz. nauch. konf.* (Semantics of Language Units: Proc. of the III Scientific Conf.). Moscow, 1992. Pp. 44-48. (in Russian).